

ПОСЛЕДНИЙ РОМАН ПОСЛЕДНЕГО КЛАССИКА

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Л.М. ЛЕОНОВА

© 2024 г. О.А. Овчаренко^{а,*}

^аИнститут мировой литературы им. А.М.Горького РАН, Москва, Россия

*E-mail: olgaimli@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.04.2024 г.

После доработки 22.04.2024 г.

Принята к публикации 06.05.2024 г.

На 2024 год приходится три важные даты в судьбе русского писателя академика Леонида Леонова: 125-летие со дня рождения, 30-летие со дня смерти и со дня выхода в свет его последнего романа “Пирамида”, работа над которым продолжалась на протяжении пяти десятилетий. “Пирамиду” справедливо считают романом-завещанием писателя. В ней рассматриваются такие важные проблемы, как существование мирового зла, будущее мира и человечества, роль дьявола в мировой истории, место России в мировой цивилизации, гностические теории будущего мира и человека. Поскольку “Пирамида” публиковалась в бесцензурных условиях, Леонов мог писать о мучивших его проблемах открыто. Это свойство романа привело исследователей к попыткам так называемого рекурсивного чтения (декодирования скрытых смыслов) и более ранних произведений Леонова. В самой же “Пирамиде” очень много загадок, порой осознанно оставленных писателем для размышлений будущим читателям. В статье рассматривается основная проблематика романа и путём сопоставительного анализа делается вывод о том, что художественные искания Леонова лежат в русле поисков мировой литературы.

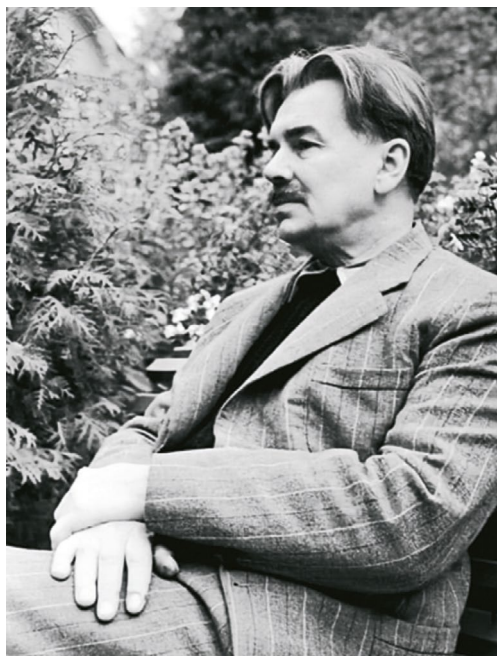
Ключевые слова: Л.М. Леонов, А.М. Горький, “Пирамида”, подтекст, гностицизм, православие.

DOI: 10.31857/S0869587324050091, EDN: FRJSCJ

На 31 мая и 8 августа 2024 г. приходится две даты, связанные с выдающимся русским писателем Леонидом Леоновым — 125-летие со дня рождения и 30-летие со дня смерти.

Леонов был тем человеком, которому сам Горький передал эстафету русской литературы. Горький говорил о Леонове: “...действительность он знает так, будто сам её делал. Он, Леонов, очень талантлив, талантлив на всю жизнь и для больших дел” [1, с. 255]. И ещё: “Он — один из наиболее крупных представителей той группы современных советских литераторов, которые продолжают дело классической русской литературы — дело Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Достоевского и Льва Толстого” [2, с. 262]. В присутствии писателя Горький сказал Сталину: “Леонид Леонов говорит от имени великой русской литературы” [3, с. 218].

Думается, что знамя представителя великой русской литературы Л.М. Леонов пронёс через всю

Леонид Максимович Леонов. 1959 г.

ОВЧАРЕНКО Ольга Александровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Л.М. Леонов и А.М. Горький. Сорренто. 1927 г.

жизнь. Однако он не всегда мог говорить в полный голос о мучивших его и других граждан страны проблемах. Это вызвало возникновение, говоря словами Захара Прилепина, “разветвлённых леоновских шифров” [4, с. 271], того самого подтекста, который и составил доминанту художественного мира писателя. Этот подтекст не столь ярко выражен лишь в последнем романе Леонова — “Пирамиде”, который создавался практически в бесцензурных условиях, в нём только некоторые проблемы спрятаны в подтексте. Сам же подтекст стал неотъемлемой частью мирозерцания писателя, придав неповторимое своеобразие его творениям [5, с. 318].

В годы революции и Гражданской войны Леонов оставался в России, решив разделить с народом его судьбу. Он искал разные способы донести до читателя правду о происходивших в стране событиях, однако нельзя отрицать, что советская власть во многом ограничила его возможности. Он не шёл на компромиссы с властью, но можно сказать, что иногда шёл на компромиссы с эстетикой социалистического реализма, предоставляя критикам разные возможности истолкования своих произведений.

Некоторые схемы, составленные ещё в годы выхода в свет леоновских произведений, очень долго сохранялись в нашем литературоведении. Так, “Барсуков” считали романом, отражающим безусловную правоту в Гражданской войне большевика Павла Рахлеева. “Вор” воспринимался как повествование о революционере, не принявшем нэпа и потому ставшим бандитом и деклассированным элементом, в то время как теперь роман толкуется

как повествование о криминализации всего русского народа как следствии революции. Ряд исследователей даже считает, что в самом названии произведения заключалась аббревиатура Великой Октябрьской революции [6, с. 30, 88]. “Скутаревский” читался как роман о передовом советском учёном. Упускалось из виду, что этот учёный не интересуется жизнью близких, а функционирует как автомат и даже накануне смерти сына отправляется в командировку. Повесть “Evgenia Ivanovna” считалась посвящённой предательству Стратонова своей жены Жени. На самом же деле образы Стратонова и Жени воплощают собой трагедию русской революции и Гражданской войны, гибель лучшей части русской интеллигенции. “Дорога на Океан” рассматривалась как гимн большевику Курилову. Не обращалось внимания на то, что Курилов приобретает человеческие черты, только когда в связи с тяжёлой болезнью оставляет свою работу. “Русский лес” воспринимался как роман о способах лесопользования, в то время как сокровенной его темой была угроза гибели России и размежевание её интеллигенции на либеральную и патриотическую. Этот список можно было бы продолжить.

Публикация в 1994 г. романа “Пирамида” позволила исследователям обратиться к “рекурсивному чтению” — дешифровке более ранних текстов Леонова в свете идейно-художественного своеобразия новой книги. Роман был начат Леоновым в 1940 г. (после запрета его пьесы “Метель”, когда писатель постоянно ожидал ареста) и опубликован только в 1994 г., незадолго до смерти автора. Назвать ро-

ман законченным нельзя, ибо и после его публикации уже смертельно больной Леонов продолжал диктовать вставки к нему, рассчитывая на третье его издание. (Роман вышел почти одновременно в издательстве “Голос” и в журнале “Наш современник” как приложение к трём его номерам, но журнальный вариант был опубликован чуть позже, и Леонов успел внести в него некоторую правку по сравнению с книжной версией, поэтому мной цитируется именно журнальный вариант.)

Мне довелось работать с Л.М. Леоновым в качестве последнего редактора романа, подготовившего его в печать. Сам Леонид Максимович тогда уже очень плохо видел и не мог читать ни вёрстку, ни корректуру. Но он всё время пытался совершенствовать роман и диктовал бесконечные вставки к нему. Их надлежало интегрировать в текст, зачастую убирая не менее интересные эпизоды. Работа была трудной, потому что приходилось резать по живому. К тому же, хотя Леонову докладывалось о малейших изменениях, сам он не мог окинуть взглядом свой материал. Поэтому в печатном варианте романа есть повторы (“Это не повторы, это лейтмотивы”, — говорил он, когда его просили устранить их) и неидеальные стыковки.

Все близкие Леонову люди уговаривали его роман печатать. Он тоже понимал, что за годы написания романа у него были разные варианты, черновики, и категорически не хотел, чтобы они стали достоянием публики, надеясь, что именно последний вариант романа будет восприниматься как выражение авторской воли. К сожалению, этого не произошло [8, с. 181–184].

“Пирамида” Леонова — роман во многом загадочный, и не все из его тайн подлежат расшифровке. Писатель любил приём, как он выражался, “вливания хвостами”, и был не прочь озадачить читателя и особенно леоноведов, к которым относился весьма скептически (справедливости ради, надо сказать, что такого отношения заслуживали авторы схем, о которых шла речь выше, но позже, после выхода в свет “Пирамиды”, появилось много достойных и весьма интересных работ, посвящённых её автору; жаль только, что он их не увидел).

Таинственность сопровождает роман с его первых и до последних слов. Леонов считал себя продолжателем Данте и хотел построить книгу на магии чисел. От этого замысла осталось деление романа на три части: “Загадку”, “Заманку” и “Западню”. Когда роман готовился к печати, возникла идея издать его с комментарием, но Леонид Максимович категорически запретил это.

Между тем недоумение вызывают многие реалии романа, начиная с сюжета. (Когда-то книга называлась “Большой ангел”, но затем писатель стал искать другое название, остановившись в итоге на “Пирамиде”.) На землю прилетает ангел Дымков и является дочери священника Матвея Лоскутова, ясно-

видящей Дуне. Миссия Дымкова на земле не совсем понятна. Шатаницкий, персонификация дьявола и, как говорил писатель, духовный руководитель эпохи, так характеризует Дымкова: “Мои дозорные сообщили, что на днях к нам оттуда инкогнито прибывает загадочная личность, некто Дымков, который под видом чудака, странствующего по смежным галактикам, скупает, выменивает на бусы, монетки и ленточки, коллекционирует мечтания тамошних жителей и, по-видимому, кое-что более ценное заодно, оставляя на память о себе какой-нибудь сюрприз убойного действия. Он направлен не в обличье купца или миссионера, как раньше засылали к аборигенам, а под видом ангела” [9, с. 16].

Можно думать, что, поскольку в романе речь идёт о приближающемся конце света и примирении добра со злом в связи с предстоящим уничтожением предмета их раздора — человека, то Дымков прибывает на землю для обобщения положительного опыта человечества, однако из дальнейшего хода романа этого не следует.

Дымков встречает ясновидящую Дуню, мечтающую отомстить у Бога грешное человечество. Дуня говорит родителям, что они с Дымковым будут делать добрые дела, но читатель этих дел не видит.

Тем временем отец Дуни бывший священник Матвей Лоскутов впадает в гностическую ересь (так называл это Леонов в личных беседах, в романе слово “ересь” не употреблялось). Он говорит бывшему дьякону Никону Аблаеву: “Подумаешь, Никон, на заре райского новоселья какая неизбывная беда приключилась: молодница неразумная, едва замужем, плода запретного вкусила. И за то проклят был во чреве весь род людской со всею ещё не родившейся детворой включительно... Оно действительно состоялось, сошествие с небес, во исполнение первородного греха... весь вопрос — чьего?” [9, с. 26]. Матвей полагает, что при сотворении человека была допущена ошибка, состоявшая в сочетании двух несовместимых начал — плоти и духа. Сатана, прознавший о том, что Бог хотел подчинить ангелов человеку, с возмущением спрашивает Бога: “Как мог ты созданных из огня подчинить созданиям из глины?” [9, с. 70].

Эту ересь отец Матвей изживает только после гибели в лагере своего старшего сына Вадима, увлечшегося было идеями коммунизма и ставшего видным деятелем РАППа, но споткнувшегося на национальном вопросе и позволившего себе высказывания, расходящиеся с господствующей идеологией.

Между тем Дымков знакомится с еврейской семьёй Дюрсо. Папаша Дюрсо, описанный с большим юмором и являющийся очень умным человеком, притворяющимся очень одесским простачком, решает использовать присущий Дымкову дар чудотворений и приспособливает его к работе в цирке — показу крупномасштабных фокусов. На этом Дюрсо делает большие деньги.

У Дюрсо есть дочь Юлия (в личных беседах писатель называл её Лией.) Леонов говорил, что она мечтает родить от Дымкова антихриста. Однако в романе это опять же не прописано. Сказано только, что Юлия желает “стать матерью последнего героя, который по завоевании глобального господства выйдет на простор провиденциального контроля над Вселенной” [10, с. 123]. Юлия также использует Дымкова для обогащения, заставляя его создать для неё музей, полный шедевров живописи художников прошлых эпох.

О даре чудотворения Дымкова узнаёт Сталин, причём в том момент, когда этот дар начинает исчезать. Дымков понимает, что должен покинуть землю, но не знает, удастся ли ему это. Дуня усиленно молится за него и, возможно, благодаря этой молитве, ему это удаётся. Философ и литературовед С.Л. Слободнюк пишет о Дуне: «...несмотря на ужасную силу разума, в мире “Пирамиды” имеется реальный противовес его хищным устремлениям. Это мистическое созерцание, консервативная сторона исторического процесса, воплощённая в фигуре Дуни... Анти-Енох, сокрытый в Дымкове, есть по сути Енох нового мироздания, и Дуня — ангел-вожатый грядущего бытия» [11, с. 109].

Имя Еноха всплывает в тексте романа неслучайно. Книга Еноха является одним из первоисточников романа. Леонов неоднократно упоминает Еноха, однако в личных беседах он говорил, что читал не саму книгу, а посвящённую ей литературу, хотя думается, что писатель основательно проштудировал именно Книгу Еноха, причём в разных её вариантах — эфиопском, славянском, еврейском. Н.В. Сорокина выделяет основные мотивы, заимствованные Леоновым из этой книги: рассказ о падении ангелов с дочерьми человеческими, противопоставление созданных из огня созданиям из глины и мотив грядущего перерождения человечества. Предсказания писателя относительно будущего человечества исследовательница рассматривает довольно оптимистично: “Вечный конфликт добра и зла, возникший, согласно апокрифу Еноха, из-за человека, должен разрешиться путём устранения причины небесной размолвки — человека, не путём его насильственного уничтожения, а вследствие нравственного и физического перерождения” [12, с. 260].

Однако на самом деле картина будущего у Леонова не столь однозначна. Действительно, одна из возможностей его заключается в перерождении человечества в духе антропософских учений, хорошо знакомых писателю: «... когда для вновь помолодевшей планеты будет проектироваться новая раса, достойная вечного жительства в том оазисе вечной праздности, будет учтена неудача предыдущей, нашей, созданной на базе глины, для которой, несмотря на литургические взлёты духа, тяга земная, могильная, оказалась много сильнее небесной...

и оттого на утренней прогулке призраки в белых хитонах уже не станут рвать райские цветы, предназначенные не для свадебных букетов или погребальных венков, гербариев и популярной у охотников настойки под названием “зверобой”, а для благоговейного созерцания их» [13, с. 30].

Второй вариант конца света, предусмотренный в так называемом Апокалипсисе от Никанора, — это “последняя прогулка” Дуни Лоскутовой на земле, изменившейся после атомной катастрофы. Цветущие края превратились в выжженные пустыни, на поверхности которых видны крышки от люков, откуда вылезают звероподобные существа — потомки выродившегося человечества.

Апокалиптические мотивы в творчестве Леонова могут трактоваться по-разному. Так, исследователь А.М. Любомудров задаёт вопрос: “Не является ли книга элементом какого-то метафизического контроля: насколько готова Россия проглотить такого рода приманку, далеко ли продвинулась по пути апостасии, охватившей уже большую часть мира, скоро ли сможет принять антихриста вместо Христа” [14, с. 95].

Возвращаясь к проблеме влияния Книги Еноха на “Пирамиду”, надо сказать, что Леонов отрицал своё знакомство с произведениями Е. Замятина, М. Булгакова, Дж. Оруэлла, А. Платонова, О. Хаксли. Новейшие исследования показывают, что это не так. Но писатель говорил, что специально не читал этих авторов, чтобы они не повлияли на “Пирамиду”. Возможно, что основные проблемы и образы романа были задуманы ещё в первые годы его написания, когда “возвращённая литература” ещё не была доступна отечественному читателю. Вообще же, хотя речь идёт о большом писателе, нельзя исключить с его стороны элемент творческой зависти: так, он утверждал, что и второй книги “Поднятой целины” никогда не читал, хотя очень ревниво следил за творчеством М. Шолохова.

Говоря о проблематике “Пирамиды”, следует ещё раз напомнить, что одна из любимых идей Леонова, многократно повторённая в “Пирамиде”, — это ошибка Творца, допущенная до сотворения человека, проявившаяся при его создании и обрекающая его в итоге на гибель. Так, “вослед родителю... Дуня высказала своё детское суждение, что кабы Он малость смягчил свой гнев при виде юных праотцев, дрожавших от холода и страха, то обошлось бы и без Голгофы, по количеству страдания стократ превысившей всю вместе взятую боль человеческую от начальной глины до окончания веков” [10, с. 122]. В связи с этим некоторые исследователи (А. Варламов, В. Хрулёв, А. Любомудров) стали говорить о том, что центральная идея “Пирамиды” — это предательство людей Богом [14, с. 94], а С.Л. Слободнюк полагает, что “измельчание человечества от гигантов к насекомым и плесени повторяет программу самоуничтожения, заложенную

Л.М. Леонов. 1949 г.

в Творце, — ведь человек был создан по Его образу и подобию” [11, с. 109].

О самоуничтожении Творца непрестанно думает Шатаницкий. Он посещает отца Матвея с просьбой о том, чтобы тот принял последнюю исповедь человечества и сказал ему на прощание: “Бога нет”. Отец Матвей отказывается сделать это. Но к Шатаницкому бросается матушка, жена отца Матвея, и умоляет, чтобы он извлёк из далекой ссылки и представил родителям их несчастного сына Вадима. Шатаницкий знает, что того уже нет в живых, но связывается с “отделом кадавров” и Вадим предстаёт перед родными. Сцены посещения Вадимом-фантомом отчего дома делают честь Леонову-художнику. Вадим не говорит ни слова, а только издаёт какой-то хрип.

Отец Матвей, верящий, что сын его понимает, списывает все несчастья семьи на своё и Вадима отступление от Бога и говорит ему: “С Богом не мудри, памятуя, что сказка должна быть страшная, сабля вострая, дружба прочная, вера детская” [13, с. 154]. Но Вадим ничего не понимает, и его уводят два конвоира.

Ещё раньше, когда Вадим был живым человеком из плоти и крови и приходил в домик со ставнями, чтобы перед арестом попрощаться с родителями, он спросил отца, что его надоумило стать священником. “...о. Матвей не сразу ответил, что ему была показана *бездна*... Ничего не было — только по самой кромке две-три былинки, может, и весь пяток, как бы в дунувении колеблются, мне сигнал подают... с той поры *бездна* стала мучить мальчика Матвея” [13, с. 43].

О приверженности писателя Богу говорит и эпизод с дьяконом Никоном Аблаевым, с которым отец Матвей делился своими гностическими размышлениями. Не в силах прокормить малолетних детей и, будучи лишенцем, найти работу, дьякон принимает предложение некоего Минтая Миносевича и в клу-

бе, на специально созванном собрании, отрекается от Бога. Однако работы ему никто не предлагает, и, мучимый совестью, дьякон умирает. Всё это позволяет говорить, что писатель, после внутренней борьбы, связанной с его безусловными симпатиями к гностицизму, всё-таки остался в лоне православия.

Интересен вопрос об иконографии образа Шатаницкого. Обращение к образу Сатанаила возникло у Леонова ещё в двадцатые годы XX столетия, когда он вырезал из дерева четыре изображения нечистой силы. Представляется, что лучшим воплощением сатаны стал образ Грацианского в “Русском лесе”, и тогда он удался писателю больше, чем в “Пирамиде”.

Создавая образ Шатаницкого, Леонов принимал во внимание традиции мировой литературы. В беседе с Г.И. Платошкиной он говорил: “Пишу трудную вещь... Там у меня дьявол. В его высказываниях должна быть глубокая мудрость, но нельзя. Он антипод Богу” [15, с. 41]. Отсюда — снижение образа сатаны, к чему писатель пришёл не сразу. В личных беседах он, например, осуждал Гёте, изобразившего Мефистофеля “обыкновенным сводником”. Шатаницкий Леонова, как представляется, намного глубже, но писатель также пытается изобразить его с иронией. “Вопреки ожиданиям, сидевший за столом корифей оказался неожиданно мелковатым, уже запенсионного возраста, но ещё подвижным и даже вполне домашним, только почему-то с незапоминающимся лицом, пригодным на любую уважаемую должность от архивариуса до библиотекаря, деятелем в двояковыпуклых очках, который пристально и вдобавок через лупу изучал, если мне не изменяет память, обыкновенный кусок пемзы” [9, с. 14]. Когда Никанор покидает дом своего наставника, то кабина лифта движется со звуком спускаемой воды.

Такая окраска образа князя тьмы не всегда совпадает с давней традицией русской литературы. В древнерусской “Повести о Савве Грудцыне” есть такое изображение дьявола: “Сидит тот на престоле высоком, камнями драгоценными и золотом изукрашенном. И весь блистает он славой великой и одеянием своим. Вокруг же престола его видит Савва множество стоящих юношей крылатых. И одни из них лицом сини, другие багряны, иные ж черны, как смола” [16, с. 336].

Думается, что в изображении Шатаницкого Леонов идёт вслед за “Братьями Карамазовыми” Достоевского, где чёрт, как известно, появляется в кошмарных видениях Ивана. «Это был какой-то господин или, лучше сказать, известного сорта русский джентльмен, но уже не молодой, “qui frisait la cinquantaine”, как говорят французы, с не очень сильною проседью в тёмных, довольно длинных и густых ещё волосах и в стриженной бородке клином. Одет он был в какой-то коричневый пиджак, очевидно от лучшего портного, но уже поношенный, сшитый примерно третьего года и совершенно уже вышедший из моды» [17, с. 70].

Аналогичное снижение образа Люцифера прослеживается и в романе Томаса Манна “Доктор Фаустус”: “Мужчина довольно хлипкий... даже ниже меня, на ухо нахлобучена кепка, с другой стороны из-под неё выбиваются у виска рыжеватые волосы; ресницы тоже рыжеватые, глаза с краснотой, лицо свежее, кончик носа немного скошен; поверх триковой, в поперечную полоску рубахи — клетчатая куртка со слишком короткими рукавами, из которых торчат толстопальные руки; отвратительные штаны в обтяжку и желтые стоптанные башмаки, уже не поддающиеся чистке. Голос и выговор — актёрские” [18, с. 292]. Впрочем, в дальнейшем у Т. Манна, как и у Леонова, образ князя тьмы меняется — “белый воротничок, галстук бантиком, на изогнутом носу роговые очки, а из-под них мерцают влажные, тёмные, с краснотой глазки”...

Надо заметить, что изменчивость, зыбкость и “неразборчивость” лица — постоянные характеристики нечистой силы и у Леонова. Переключка с “Доктором Фаустусом” встречается в “Пирамиде” неоднократно. Так, Шлепфус рассуждает о неизбежности зла в мире и о том, что Бог несовершенен и не всемогущ.

Конечно, близость двух романов нельзя объяснить прямолинейным влиянием Т. Манна на Л. Леонова, который, по его словам, романа Манна опять же не читал. Но оба романа принимают во внимание традицию “Фауста” Гёте. Интересно, что объяснение Шатаницкого с отцом Матвеем приурочено к 1 мая, в канун которого, по средневековым поверьям, и происходит шабаш ведьм, более известный как Вальпургиева ночь. Если вспомнить роман Булгакова “Мастер и Маргарита”, то в нём Вальпургиева ночь преобразуется в бал у сатаны. У Леонова же

от Вальпургиевой ночи остаётся лишь множественность нечистой силы, и князя тьмы начинает играть свита, в изображении которой есть некоторые аналогии со свитой булгаковского Воланда, тем более что в обоих романах все сопровождающие антипода Бога даны в комическо-доброжелательных тонах. Есть в “Пирамиде” и ещё одна общая черта с “Мастером и Маргаритой” — это описание сеансов “чёрной магии” и её разоблачения. У Булгакова на сцене театра варьете выступают представители нечистой силы, у Леонова Дымков под руководством папаши Дюрсо подвизается в цирке, и примечательно, что в обоих произведениях широкая публика жаждет поверить в возможность сверхъестественного чуда. Надо сказать, что увлечение Леонова цирком имеет давнюю историю. Оно блестяще проявилось в романе “Вор” и объясняется тем, что писателю, по его словам, всегда нравилась фантастика цирка — “рекорды, которые нельзя придумать”.

Но в концепции романа “Пирамида” есть и немало черт, отличающих его от “Мастера и Маргариты” Булгакова. Так, Воланд — “часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”, и его вмешательство в судьбы главных героев романа оказывается вполне благотворным. Совсем иначе у Леонова: неспособность Шатаницкого к свершению добрых дел иллюстрируется историей с Вадимом-фантомом и первомайским свиданием.

Поскольку “Пирамида” с самого начала задумывалась как произведение итоговое, то Леонов иногда сознательно воскрешал мотивы, звучавшие в произведениях многих гениев мировой литературы, словно бросая на неё последний взгляд перед грядущей гибелью человечества. Одним из “гениальных идеалов” писателя был Шекспир, который, по мнению Леонова, “бывает громоздок, но математичен”. “Я признаю Шекспира как очень большое, очень важное явление, с почтением стою перед ним и с обнажённой головой”, — говорил Леонов. Он считал, что Шекспир ближе к Достоевскому, чем к Толстому, и ценил английского классика за показ “той внутренней духовной арены, где происходят у Шекспира главные бои” [19, с. 25]. В романе “Пирамида” есть несколько реминисценций из Шекспира, и одна из них касается заключённого, бывшего гидом Вадима на строительстве гигантского памятника Сталину. Он думает о том, как когда-нибудь потомки найдут его череп, но это не страшит его, он считает, что мысль неподвластна смерти. Беда только в том, что своих мыслей в голове несчастного ээка уже не осталось. Здесь, конечно, возникают ассоциации с размышлениями Гамлета над черепом Йорика, подчёркивается разница между жизнерадостным Йориком и прошедшим “перекровку” ээком.

В романе “Пирамида” есть ещё один эпизод, который сознательно писался с оглядкой на контекст мировой литературы. Это встреча Дымкова

со Сталиным, призвавшим ангела “убавить излишнюю резвость похотей и мыслей”. Читатель узнаёт об этом от Никанора Шамина. У Достоевского Иван Карамазов — это человек, в душе которого постоянно борются добро и зло, у Леонова образ Никанора, особенно в ранних вариантах романа, также носил двойственный характер. С одной стороны, он был задуман как комсомольский активист атеистических убеждений, с другой — именно он выступает истолкователем сновидений Дуни.

Своеобразный параллелизм “Великого инквизитора” и эпизода встречи Дымкова со Сталиным связан и с тем, что Леонов знал мнение Сталина о написанной Достоевским легенде. Вождь считал, что в ней Достоевский открыл тайны власти над людьми. Но думается, что у Леонова Сталин изображён слишком прямолинейно — как человек, собирающийся ввести всеобщую уравниловку. Безмолвным статистом предстаёт в этом эпизоде и Дымков, который вообще-то должен олицетворять силы добра. Если у Достоевского инквизитор выпускает Христа на “немые стогны града”, то есть что-то жалкое в том, как Дымков покидает планету, которую мог бы спасти.

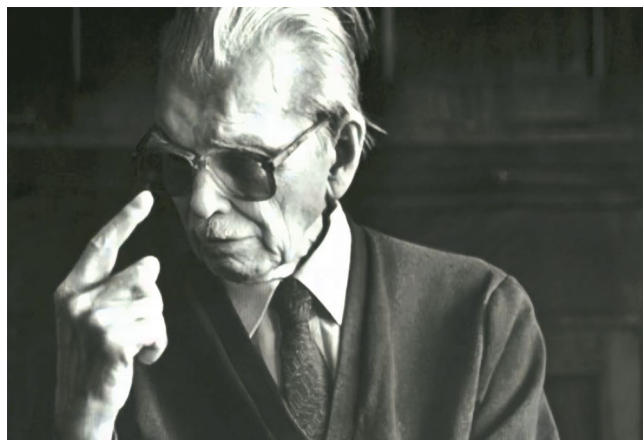
Эпизод со Сталиным никак не давался писателю. Леонов написал восемьдесят страниц на эту тему, в окончательном варианте их осталось восемнадцать, но сам Леонид Максимович оставался недоволен собой. Он спросил мнение о написанном видного критика Михаила Лобанова. Тот не согласился с такими определениями Сталина, как “тиран” и “диктатор”, и сказал, что у него много замечаний по этому эпизоду. Леонов просил Лобанова зайти к нему и изложить все свои замечания, заранее обещая все их принять. Но критик уже, по-видимому, решил “ударить” по “Пирамиде”, и это случилось в его статье в газете “Завтра” [20, с. 7]. После прочтения этой статьи, которая, вероятно, произвела на Леонида Максимовича впечатление, уже тяжело больной Леонов пытался диктовать всё новые вставки к роману, но сил на переделку эпизода у него уже не было.

Связь романа “Пирамида” с мировой культурой не исчерпывается только реминисценциями из литературы. Во второй части романа есть описание музея, который Дымков создал для Юлии. Посетивший Юлию режиссёр Сорокин находит у неё полотна Терборха, Тициана и Веласкеса, солонку работы Бенвенуто Челлини. Описание музея выполняет в книге разные функции. С одной стороны, оно разоблачает расчётливость и корыстолюбие Юлии, стремящейся сколотить состояние на предоставленных ей Дымковым богатствах. С другой, в созданном Юлией музее нет ни одного произведения русского искусства, что также обнажает духовную сущность потенциальной матери антихриста. И наконец, введением в роман ссылок на лучшие произведения человечества автор как бы раздвигает

его границы, показывая, что значение происходящего не исчерпывается пределами России. Это тем более важно, что в центре произведения стоит судьба России, оказывающаяся тесно переплетённой с судьбами всего мироздания. Это переплетение проявляется разным образом. Так, вызванный родителями к Дуне врач-психиатр сравнивает её видения с прозрениями Леонардо да Винчи. Сорокину она напоминает принадлежащую неизвестному художнику фреску Девы в Сиене. Обряд отречения Никона Аблаева от веры возглавляет некий Минтай Миносович, сравнивающий незадачливого дьякона с Фомой Аквинским. При взрыве разрушаемого сатанистами собора отец Матвей долго всматривается в лицо стоящего на возвышении чиновника и вспоминает Савла, превратившегося в Павла. В домике со ставнями есть вышитая картина “Поклонение волхвов”. Рассуждая о перенаселении планеты, Филуметьев вспоминает офорт Брейгеля “Улов рыбака”, изображающий поглощение крупными рыбами мелких.

Всё это показывает, что для Леонова спасение России равнозначно спасению человечества и торжеству добра над злом. Но так называемая космогония Леонида Леонова расходится с православным учением. Неслучайно в романе упоминаются деятели, в теориях которых присутствуют элементы еретицизма, в частности, Тертуллиан и Ориген.

Православное богословие разграничивает понятия “зло” и “несовершенство”. Согласно православию, зло возникло от злоупотребления свободой вначале ангелами, а потом людьми, отступившими от воли Божией. Поэтому добро, связанное с Божественной благодатью, не может быть равновеликим злу. У Леонова не проводится мысль о богоотступничестве человека, столь явственно проявившемся в России XX в. Ещё святейший патриарх Сергей (Старгородский), говоря о спасении человека, вспоминал слова святого Иоанна Златоуста: “Не Бог враждует против нас, но мы против Него. Бог никог-

Л.М. Леонов. 1994 г. Фото Н.Г. Кочнева

да не враждует... Бог всегда стремится к человеку, когда влечёт его к Себе, но дело в том, что человек не всегда повинуется призыванию Божию... человек, узнавая дело Иисуса Христа, через это самое узнаёт о том, что Бог — не карающий Гнев, требующий Себе отмщения и не могущий даром простить никого, каким представляло Его подавленное грехом сознание человека, — что, наоборот, Бог есть всепрощающая любовь, что нет греха, который бы победил эту любовь” [21, с. 163].

Отражением гностических теорий, в том числе и об уничтожении мира и появлении “новой расы”, стали многие герои романа вплоть до пьяницы Финогеича. Соблазн гностицизма Леонов претерпел рано. Т.М. Вахитова опубликовала юношескую поэму Леонова “Земля”, созданную ещё до 1917 г. В ней повествуется о том, как чёрный ангел ударил Бога по правой руке, в которой он сжимал Землю.

*Разорвали молнии края,
И великий чёрный Сатана,
Изгибаясь ласково и нежно,
Знал, что мчится в вечность без руля,
На груди косматая земля* [22, с. 287].

Гностические тенденции представлены и в повести “Уход Хама” (1922): “Были пустоты и глубины наполнены водами мрака. В них отражался Отец. Тот, который был отражением, пришёл неслышно. Когда он был близко — выхватил землю из руки Отца и прыгнул в глубину и пустоты. Он стал тогда вторым Отцом земли. Бытие дала ему земля” [23, с. 36]. Отец вослед похитителю шлёт солнце, но тот убегает вместе с землёй.

Гностические колебания Леонида Леонова ставят его в один ряд с классиками мировой литературы XX в.: Хорхе Луисом Борхесом, Фернанду Пессоа, Томасом Манном, Германом Гессе, Михаилом Булгаковым, Уильямом Батлером Йейтсом. Особенно близка “Пирамида” к роману Т. Манна “Доктор Фаустус”, герой которого Адриан Леверкюн продаёт душу дьяволу, “стремясь достичь славы на этом свете”. В соответствии с Народной книгой о докторе Фаустусе герой погибает. Но характер сделки Адриана с дьяволом весьма далёк от своего архетипа. Герой не получает ни вечной молодости, ни счастья в любви, ни особого богатства или власти. Единственное, что было ему дано, — это возможность реализовать свой талант, которая стала для него своеобразным жреческим служением. И посвящён был этот талант не дьяволу, а человечеству. Адриан Леверкюн пишет ораторию “Апокалипсис с фигурами” и кантату “Плач доктора Фаустуса”, чётко улавливая бег времени, “жестокость века” и создавая музыкальный памятник своей эпохе. Адриан также соприкасается с гностицизмом. Ещё в юности он вешает над пианино изображение магического квадрата и скрывает в своих произведениях магические формулы и цифры. Друзья Адриана также задаются

вопросами о том, не принимал ли участия дьявол в сотворении мира. Однако дьявол у Т. Манна никогда не равновелик Богу. Он во многом напоминает “мелкого беса”. Жизненный путь Адриана Леверкюна отмечен стремлением преодолеть элитарный характер своего творчества и сделать его доступным народу. “Доктор Фаустус” Т. Манна — роман о преодолении человеком тяжкого искуса оккультизма и дьяволиады и в итоге возвращении его к христианству.

Едва ли не наиболее разительным примером романа о преодолении гностицизма можно считать “Игру в бисер” Германа Гессе. Само понятие Игры задумано как неоднозначное, не подлежащее одномерному декодированию. Есть в этой игре нечто от каббалистики и таро. Прозрачный намёк на масонскую символику звучит и в титуле Йозефа Кнехта и его товарищей по Ордену (магистр Игры, старший брат). Как и прочие гностические сообщества, Орден занимается поисками мистического “иероглифа бытия”. И здесь опять же звучит переключка Леонова с Германом Гессе. Размышления православного батюшки о страданиях русского народа писатель называет “попыткой мистически расшифровать мистический иероглиф бытия” [9, с. 33]. В конце романа Гессе даёт свою версию тайн мистического Ордена. К роману прилагаются сочинения Йозефа Кнехта, в которых сказано, что он является демигуром, низшим богом, постепенно отмирающим, и о том, что возникнет новый духовный мир. Это рассуждение преодолевается не умом, а сердцем отшельника, который завещает простодушное отношение к жизни потомству. Таким образом, искушение, через которое проходит простодушный герой Гессе, — соблазн смертоносной философией гностицизма. Этот вывод логичен ещё и потому, что проблема гностицизма ставилась и в более раннем романе Гессе “Демиан”.

Получается, что творческие искания Леонова, в том числе соприкасающиеся со стихией гностицизма, проходили в русле поисков многих выдающихся представителей мировой литературы. Но вопрос о гностицизме Леонова остаётся открытым. В быту он был совершенно православным человеком. В его кабинете присутствовал портрет святого Амвросия Оптинского. Из соседнего с его домом храма Большого Вознесения регулярно приходил батюшка и причащал писателя. Он дружил с митрополитом Питиримом (Нечаевым) и игуменом Андроником (Трубачёвым). Интерес Леонова к гностицизму бесспорен. Но надо согласиться с А.А. Дырдиным, считающим, что «на страницы “Пирамиды” врывается кардинальная тема творчества Леонова. Это вопрос о русской трагедии, истоком которой один из спорящих считает отход России от православия... Не перепевы гностических мотивов и их отражения образуют духовную ось романа, а ключевые идеи русской жизни» [24, с. 259, 300].

Тема России действительно является ведущей в романе “Пирамида”, который имеет как бы два эпилога: на земле и на небесах. На земле всё кончается трагически: погибают многие положительные герои, в том числе и сохранивший в себе высокое человеческое начало комиссар Тимофей Скуднов, исчезает неизвестно куда домик со ставнями со всеми своими обитателями. Но Россия небесная выживает: Шатаницкому не удаётся убедить отца Матвея сказать погибающему человечеству “Бога нет”, Шатаницкий и Сталин не смогли использовать Дымкова в своих корыстных целях, Дуня, по-видимому, успеет отомстить у Бога грешное человечество — Россия стоит и готовится выдержать испытания войны.

Говоря о творчестве Леонида Леонова в целом, важно не забывать, что он был в числе тех, кто находил способы сказать правду о русской жизни XX столетия. Это удавалось только большим писателям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 25. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1949–1955.
Gorky M. Collection. Op. in 30 vol. V. 25. M.: State Publishing House of Art. lit., 1949–1955.
2. Горький и советские писатели. Неизданная переписка / Ред. И.С. Зильберштейн, Е.Б. Тагер; вступительная статья Л.И. Тимофеева // Лит. наследство. Т. 70. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
Gorky and Soviet writers. Unpublished correspondence / Ed. I.S. Zilberstein, E.B. Tager; introductory article by L.I. Timofeev // Lit. inheritance. V. 70. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963.
3. Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова. Из записок 1968–1988 гг. М.: Московский интеллектуально-деловой клуб, 2002.
Ovcharenko A.I. In the circle of Leonid Leonov. From notes of 1968–1988. M.: Moscow Intellectual and Business Club, 2002.
4. Прилепин З. Леонид Леонов. “Игра его была огромна”. М.: Молодая гвардия, 2010.
Prilepin Z. Leonid Leonov. “His game was huge.” M.: Molodaya Gvardiya, 2010.
5. Богуславская З.Б. Леонид Леонов. М.: Советский писатель, 1960. *Boguslavskaya Z.B. Leonid Leonov. M.: Soviet writer, 1960.*
6. Лысов А.Г. “Берёзовый меридиан”: Леонид Леонов и Сергей Есенин. Ульяновск: Ульяновский гос. технич. ун-т, 2005; Якимова Л.П. Вводный эпизод как структурный элемент художественной системы Леонида Леонова. Новосибирск: СО РАН, 2011.
Lysov A.G. “Birch meridian”: Leonid Leonov and Sergey Yesenin. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. Univ., 2005; Yakimova L.P. Introductory episode as a structural element of Leonid Leonov’s artistic system. Novosibirsk: SB RAS, 2011.
7. Якимова Л.П. Мотивная структура романа Леонида Леонова “Пирамида” / Отв. ред. В.Г. Одинокоев. Новосибирск: СО РАН, 2003.
Yakimova L.P. The motivic structure of Leonid Leonov’s novel “Pyramid” / Ed. V.G. Odinkov. Novosibirsk: SB RAS, 2003.
8. Леонова Н.Л. Об истоках “Пирамиды” (замечки о творческой истории романа-завещания) // Наследие Л.М. Леонова и судьбы русской литературы. Материалы VII международной научной конференции. Ульяновск, 9–12 сентября 2010 г. Сост. А.А. Дырдин. Ульяновск: Ульяновский гос. технич. ун-т, 2010.
Leonova N.L. On the origins of the “Pyramid” (notes on the creative history of the novel-testament) // L.M. Leonov’s legacy and the fate of Russian literature. Materials of the VII International Scientific Conference. Ulyanovsk, September 9–12, 2010 Comp. A.A. Dyrdin. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2010.
9. Леонов Л.М. Пирамида: роман-наваждение в 3-х частях. М.: Наш современник, 1994. Вып. 1.
Leonov L.M. Pyramid: an obsession novel in 3 parts. M.: Our contemporary, 1994. Is. 1.
10. Леонов Л.М. Пирамида: роман-наваждение в 3-х частях. М.: Наш современник, 1994. Вып. 2.
Leonov L.M. Pyramid: an obsession novel in 3 parts. M.: Our contemporary, 1994. Is. 2.
11. Слободнюк С.Л. Мирооправдание и мироотрицание Л. Леонова // Роман Л. Леонова “Пирамида”. Проблема мирооправдания / Отв. ред. Т.М. Вахитова, В.П. Муромский. СПб.: Наука, 2004. С. 97–121.
Slobodnyuk S.L. World justification and world denial by L. Leonov // L. Leonov’s novel “Pyramid”. The problem of world justification / Ed. T.M. Vakhitova, V.P. Muromsky. St. Petersburg: Nauka, 2004. P. 97–121.
12. Сорокина Н.В. “Пирамида” Л.М.Леонова и Книга Еноха: авторская интерпретация Апокрифа // Сорокина Н.В. Русская литературная классика XX века: В. Набоков, А. Платонов, Л. Леонов. Саратов: Саратов. пед. ин-т, 2000. С. 252–261.
Sorokina N.V. “Pyramid” by L.M. Leonov and the Book of Enoch: the author’s interpretation of the Apocrypha // Sorokina N.V. Russian literary classics of the twentieth century: V. Nabokov, A. Platonov, L. Leonov. Saratov: Sarat. ped. in-t, 2000. P. 252–261.
13. Леонов Л.М. Пирамида: роман-наваждение в 3-х частях. М.: Наш современник, 1994. Вып. 3.
Leonov L.M. Pyramid: an obsession novel in 3 parts. M.: Our contemporary, 1994. Is. 3.
14. Любомудров А.М. Суд над Творцом: “Пирамида” Л.Леонова в свете христианства // Роман Л. Леонова “Пирамида”. Проблема мирооправдания /

- Отв. ред. Т.М. Вахитова, В.П. Муромский. СПб.: Наука, 2009. С. 68–96.
- Lyubomudrov A.M.* The trial of the Creator: L. Leonov's "Pyramid" in the light of Christianity // L. Leonov's novel "Pyramid". The problem of world justification / Ed. T.M. Vakhitova, V.P. Muromsky. SPb: Nauka, 2009. P. 68–96.
15. *Платошкина Г.И.* Воспоминания о Леониде Леонове // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью / Сост. П. Алешкин. М.: Голос, 1999. С. 454–510.
- Platoshkina G.I.* Memories of Leonid Leonov // Leonid Leonov in memoirs, diaries, interviews / Comp. P. Aleshkin. M.: Golos, 1999. P. 454–510.
16. Изборник. Повести древней Руси. М.: Худ. лит., 1986.
- Izbornik.* The stories of ancient Russia. M.: Hood. lit., 1986.
17. *Достоевский Ф.М.* Полн.собр.соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976.
- Dostoevsky F.M.* Full collection. op.: in 30 vol. V. 14. L.: Science, 1976.
18. *Манн Т.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960.
- Mann T.* Collection. op.: in 10 vol. T. 5. M.: State Publishing house of Artists. lit., 1960.
19. *Леонов Л.М.* Собр.соч: в 10 т. Т. 10. М.: Худ. лит., 1972.
- Leonov L.M.* Collection. op: in 10 vol. V. 10. M.: Hood. lit., 1972.
20. *Лобанов М.П.* Бремя "Пирамиды" // Завтра. 1994. № 21(26).
- Lobanov M.P.* The burden of the "Pyramid" // Tomorrow. 1994. № 21(26).
21. *Старгородский С.* Православное учение о спасении. М.: Московский патриархат, 1991.
- Stargorodsky S.* The Orthodox doctrine of Salvation. M.: Moscow Patriarchate, 1991.
22. *Вахитова Т.М.* Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова: структура, поэтика, эволюция. СПб.: Наука, 2007.
- Vakhitova T.M.* The artistic picture of the world in Leonid Leonov's prose: structure, poetics, evolution. SPb: Nauka, 2007.
23. *Леонов Л.М.* Уход Хама. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1969.
- Leonov L.M.* Collection. op: in 10 vol. V. 1. M.: Hood. lit., 1969.
24. *Дырдин А.А.* Духовное и эстетическое в русской философской прозе XX в.: А. Платонов, М. Пришвин, Л. Леонов. Ульяновск: Ульяновский гос. технич. ун-т, 2004.
- Dyrdin A.A.* Spiritual and aesthetic in Russian philosophical prose of the twentieth century: A. Platonov, M. Prishvin, L. Leonov. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University. Univ., 2004.

THE LAST NOVEL OF THE LAST CLASSIC

ON THE 125TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN L.M. LEONOV

O.A. Ovcharenko^{a,*}

^aA.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

*E-mail: olgaimli@yandex.ru

In 2024, there are three important dates in the fate of the Russian writer academician Leonid Leonov: the 125th anniversary of his birth, the 30th anniversary of his death and the publication of his last novel "Pyramid", work on which lasted for five decades. The Pyramid is rightly considered a novel-the testament of the writer. It examines such important issues as the existence of world evil, the future of the world and humanity, the role of the devil in world history, Russia's place in world civilization, gnostic theories of the future of the world and man. Since The Pyramid was published in uncensored conditions, Leonov could write openly about the problems that tormented him. This property of the novel led researchers to attempts at so-called recursive reading (decoding hidden meanings) and earlier works by Leonov. In the "Pyramid" itself, there are a lot of riddles, sometimes deliberately left by the writer for future readers to think about. The article examines the main problems of the novel and by way of copost.

Keywords: L.M. Leonov, A.M. Gorky, "Pyramid", subtext, gnosticism, Orthodoxy.